

C-20
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. М. АБЕГЯНА

Х. С. САРКИСЯН

МИКАЕЛ НАЛБАНДЯН
И
ВОПРОСЫ ЯЗЫКА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЕРЕВАН 1955

Настоящее исследование посвящено раскрытию материалистических воззрений Микаела Налбандяна в области языка — одного из значительных и наиболее разработанных разделов его революционно-демократического мировоззрения.

По исследуемым нами в настоящей работе вопросам до сих пор были опубликованы лишь отдельные статьи. Единственная монографическая работа «Лингвистические работы Микаела Налбандяна» — кандидатская диссертация А. С. Маркаряна — пока не издана.

Что касается отдельных статей, то наиболее ранняя из них вышла в 1929 году в № 11—12 журнала «Нор уги» («Новый путь») под заглавием: «Лингвистическая теория Микаела Налбандяна». Автор в основном останавливается на взглядах Налбандяна по вопросам обработки новоармянского языка — ашхарабара, подчеркивая, в частности, точку зрения Налбандяна о его самостоятельности.

Проф. Г. Севак в своей изданной в 1948 году книге «Краткая история современного армянского языка» лингвистическим взглядам Налбандяна посвятил специальную главу. Касаясь вопроса о борьбе Налбандяна за ашхарабар, его воззрений на происхождение ашхарабара, на отдельные вопросы грамматики ашхарабара и грабара (древнеармянского языка) и т. д., Г. Севак особенное внимание обращает на то обстоятельство, что Налбандян всячески подчеркивал народность ашхарабара и его самостоятельность.

Следующая по времени работа по этой теме — статья доц. А. Григоряна «Лингвистические взгляды М. Налбандяна» (см. Научные труды Ереванского им. В. М. Молотова государственного университета, т. XXIX, 1950). В своей статье А. Григорян охватывает очень много вопросов: историческое значение борь-

бы Налбандяна за ашхарабар, Налбандян о самостоятельности ашхарабара и о его двух разветвлениях, Налбандян о преимуществах ашхарабара, наблюдения Налбандяна над некоторыми грамматическими категориями ашхарабара, значение диалектов и русского языка в обработке ашхарабара и т. д. Однако автор не задается целью систематизировать высказанные им положения и большею частью довольствуется лишь их перечислением.

Последняя работа — статья А. Маркаряна «О лингвистическом труде М. Налбандяна» (арм. литерат. пазета «Гракан терт», 1954, 31 октября, № 40). Статья целиком посвящена труду Налбандяна «Опыт радикальной реформы нашего языка» — определению времени его написания, вопросу о его объеме и т. д.

До написания настоящей работы нам также приходилось высказываться в печати о взглядах Налбандяна на язык.

Во второй книге «Истории армянской литературы» (Ереван, 1941, стр. 10—12) нами были высказаны соображения о языке «Юсисапайла» в 1862 г., о совпадениях и различиях во взглядах на язык у Налбандяна и Назаряна.

Те же вопросы в более разработанном виде выступают и во втором издании первой книги «Истории армянской литературы», 1951, стр. 327—329.

В 1951 же году на страницах «Гракан терта», №№ 28 и 29, вышла наша статья: «К лингвистическим воззрениям и языковой практике М. Налбандяна». В статье рассматриваются поставленные Налбандяном вопросы о происхождении и исторической судьбе грабара, о двух разветвлениях новоармянского литературного языка и об обогащении последнего через посредство русского языка.

Наконец, в 1954 г. в «Коммунисте» (Ереван, № 153) была напечатана статья «По поводу некоторых вопросов влияния Белинского на Налбандяна». В этой статье, наряду с другими вопросами, нами рассматриваются также некоторые вопросы словоупотребления Налбандяна, где отразилось влияние русской революционно-демократической мысли.

Настоящее исследование состоит из Введения, в котором

говорится об общей социально-политической и культурной обстановке 50—60-х гг. прошлого столетия и семи следующих глав, разделенных на параграфы:

Глава I. «Слово об армянской письменности».

Глава II. Грабар, его начало, развитие и разложение.

Глава III. Ашхарабар, его начало и превосходство над грабаром.

Глава IV. Ашхарабар и вопрос его устойчивости.

Глава V. Ашхарабар и принципы его обработки и обогащения.

Глава VI. «Опыт радикальной реформы нашего языка».

Глава VII. М. Налбандян о закономерностях языка.

Во всех специальных изысканиях Налбандяна по языку, во всех его соображениях и отдельных замечаниях по тому же предмету, разбросанных в его многочисленных статьях и письмах — Налбандян преследует одну цель: доказать, что новолитературный язык общественно необходим, что, основанный на общенародном языке, он достаточно богат и гибок, чтобы выполнить возложенную на него историческую роль.

Но чтобы расчистить путь для торжества ашхарабара, надо было бороться с его противниками, которые считали древний язык, грабар — необходимый для своего времени, но устаревший для настоящего — единственным языком, на котором армяне как писали в прошлом, так и должны были писать в настоящем. Надо было выяснить сущность грабара, его происхождение, его историческую судьбу.

Этому вопросу и посвящены первые три параграфа второй главы нашей работы.

В 1854—1855 гг. Налбандян в защиту ашхарабара пишет свою первую работу «Слово об армянской словесности». Именно в этой работе он дает решительный отпор всем — как он называет — «ревнителям старины», всяким попыткам на идеализацию грабара.

Налбандян не соглашается с мнением «ревнителей старины», что в V веке, в эпоху максимального расцвета грабара,

«разговорная речь, письменный и народный языки были тождественны»¹. Но Налбандян вовсе не отрицал, что грабар когда-то вообще совпадал с разговорным народным языком. Однако, по его мнению, это было очень давно, в древние времена, за несколько столетий до н. э. Тогда грабар на самом деле был общенародным языком, а впоследствии, все более и более расходясь с народным языком, стал «достоянием жрецов и храмов, а также нашел себе место в государственной канцелярии»².

Принятие христианства сильно содействовало, по мнению Налбандяна, отходу грабара от народного языка, ибо источником армянской речи христианских авторов и переводчиков V в. «является не живой говор, принятый у народа, а мутные ручьи поздне-византийской письменности», почему и эта речь «не в состоянии была пустить корни в сердце и в душе народа»³.

Такую же точку зрения развивает Налбандян и спустя 6—7 лет в «Дневнике»⁴.

Что же касается дальнейшей судьбы грабара, то с течением времени все более и более расходясь с народным языком, он «в настоящее время, — говорит Налбандян, — стал для нашего народа недоступной речью египетских жрецов»⁵.

«Стоит только сойти языку с... общенародной позиции, — говорит И. В. Сталин, — стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение»⁶.

Так именно и случилось с грабаром: он отошел с «обще-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч. (на арм. языке), т. II, Ереван, 1947, стр. 14.

² Там же.

³ Там же, стр. 13.

⁴ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. I, Ереван, 1945, стр. 465.

⁵ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 65.

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 6.

народной позиции», стал на позицию «предпочтения» класса феодалов — и потерял свое качество.

В нашей работе мы показываем, что Налбандян начертал в общем правильную картину начала и конца грабара, хотя и сильно преувеличивал значение влияния греческого языка на армянский язык и литературу V века.

Так, например, в свое утверждение о сплошном грецизме армянского языка V века сам Налбандян вносит корректив заявлением в письме А. Геокчяну в 1855 г., что грецизмом (здесь он это называет старчеством древнего языка) не страдают, во-первых, Егише и, во-вторых, оставшиеся в «Истории» Хоренаци древнеармянские эпические песни.

Современные изыскания показывают, что, на самом деле, между этими эпическими песнями и грабаром V века в области морфологии и синтаксиса существует определенная разница. Вопрос же об общенародности грабара в V веке все еще продолжает быть предметом дискуссии между арменистами. Таким образом мнение Налбандяна и по сей день не потеряло своей жизненности, продолжая оставаться одним из возможных решений вопроса.

Что же касается литературы V века, то уже в «Слове...» Налбандян, отрицая ее значение для современности, тем не менее высоко отзывается о ряде древних авторов, как, например, Мовсесе Хоренаци, Егише, Григоре Нарекаци и др. А впоследствии Налбандян не только высоко отзывался о них, но и использовал их сочинения в борьбе с феодально-клерикальной идеологией.

Проблеме ашхарабара посвящена основная часть нашей работы: третья, четвертая и пятая главы.

Появление новоармянской речи Налбандян рассматривает не как катастрофу или национальное бедствие, — так утверждали консерваторы и либералы, — а как вполне нормальное и естественное явление, как исторически необходимый факт.

Налбандян опровергает миф о новоармянском языке как о пришедшем в упадок, деградировавшем древнеармянском языке, как об «искаженном» варианте последнего.

Налбандян возвеличивает новоармянскую речь, восстанавливает поруганные права народа на святое свое достояние — язык. Своим смелым утверждением о древности ашхарабара Налбандян решительно выдвигает значение народа как творца своей истории.

Отмечая отход древнеармянской речи с общенародных позиций, Налбандян тем самым констатирует ее деградацию, регресс, и, наоборот, говоря в «Слове...» о новоармянской речи, что она «изо дня в день продвигается вперед»¹, тем самым констатирует ее прогресс.

Итак, нисходящая историческая кривая для древнеармянской речи и восходящая историческая кривая для новоармянской речи — вот к каким выводам приводят утверждения Налбандяна о грабаре и ашхарабаре.

Налбандян не сразу пришел к этой концепции. Основные элементы ее уже ясно намечаются в «Слове...» и с течением времени она, конечно, все более и более углублялась и отшлифовывалась. Так, например, в «Письме Графу Эммануэлу» (1860) он делает шаг вперед, утверждая, что ашхарабар не только продвигается вперед, но и, находясь еще в процессе обработки, по богатству и стройности уже превосходит грабар. Эта мысль о превосходстве ашхарабара над грабаром, должна была, повидимому, пройти красной нитью в задуманной Налбандяном в Петропавловской крепости, но не осуществленной им «Грамматике новоармянского языка».

Одним из важных в теоретическом и практическом отношении вопросов, касающихся ашхарабара, был вопрос о взаимоотношениях последнего с тюркскими языками.

Либералы, одобряя влияние греческого языка на древнеармянский, решительно отворачивались от тех форм новоар-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 39.

мянского языка, которые по их мнению, были следствием влияния тюркских языков и призывали к их искоренению, ибо, говорили они, без такого искоренения невозможно дальнейшее развитие ашхарабара.

Налбандян же говорил, что независимо от происхождения сходных форм в тюркских и армянском языках, эти тождества для нас святы, раз они вошли в плоть и кровь народа, раз ими пронизан общенародный язык. Попытка искоренения этих форм равносильна умерщвлению новоармянского языка, закабалению его древнеармянскими формами, ибо искореняемые формы можно заменить лишь древнеармянскими, других нет.

Характерно, что Х. Абовян в этом вопросе придерживался той же точки зрения, что и Налбандян¹.

Что же касается происхождения этих тождественных форм между тюркскими языками и армянским языком, Налбандян допускал возможность как того, что эти формы являются, на самом деле, следствием влияния тюркских языков на армянский, так и того, что они развились в них самостоятельно, независимо друг от друга.

Однако, нетрудно убедиться, что Налбандян отдавал предпочтение второму объяснению.

Так, например, в критике романа «Сос и Вардигер» Налбандян определенно говорит о том, что общие, совпадающие моменты можно найти даже между древнеармянским и тюркскими языками, что то, что называется тюркской «логикой», тюркской формой речи, присуще всем диалектам армянского языка и что, наконец, есть такие языковые явления, которые свойственны всем языкам мира. Ясно, что в период формирования древнеармянского языка тюркские языки не могли быть в каком-либо контакте с армянским языком, во-вторых, мало вероятно, чтобы те же тюркские языки могли одновременно и в одинаковом направлении оказать влияние на все диалекты

¹ См. Х. Абовян, Полное собр. соч., т. V, Ереван, 1950. «Замечания о цели элементарной книги по новоармянскому языку» (на немецком языке), стр. 40, 42 (немецкий текст) или 46, 48 (армянский перевод).

армянского языка, которых, как известно, насчитывается несколько десятков.

Следует отметить, что современные арменисты — Р. Ачарян, А. Гарибян, С. Казарян и другие — склонны именно к такому решению вопроса.

Таким образом, еще на заре научного изучения армянского языка, Налбандян понял, что эти формы армянского языка являются исконным его достоянием, древнейшей его собственностью.

Эта точка зрения Налбандяна находится в тесной связи с его утверждением об устойчивости армянского языка, большой сопротивляемости его насильственной ассимиляции.

Восхищаясь стойкостью и героизмом армянского народа, который «сотни лет кромсали, терзали и истребляли» (И. В. Сталин) захватчики — персы, арабы, сельджуки, монголы и другие, Налбандян говорит: «Колоссальной мужественностью армянской нации следует объяснить то, что она настолько сохранила свой язык, что сегодня мы, рассеянные по свету ее несчастные дети, умеем писать несколько слов на ее живом языке»¹.

Борясь за утверждение ашхарабара на его законном месте в общественной жизни армян, Налбандян был крайне озабочен вопросами его обработки и обогащения.

Налбандян ясно сознавал различие между общенародным языком и диалектами и, недооценивая диалекты в начальную пору своей деятельности, в зрелые революционно-демократические годы считал их основным источником обогащения новоармянского языка.

В этом отношении весьма характерна отрицательная оценка Налбандяном языка Саят-Новы, т. е. тифлиского диалекта, в «Слове...» (1854—1855) и, наоборот, высокая оценка его в письме из Петропавловской крепости (12 апреля 1863 г.). В Петропавловской же крепости Налбандяном написаны сле-

дующие слова: «Основательное знание нового языка, его разработка и прогресс... просто невообразимы без помощи провинциальных диалектов»¹.

Что же касается конкретных путей использования диалектов для обогащения новоармянского языка, Налбандян исходил из того факта, что общенародный язык и диалекты армянского языка в основном сходятся не только по своему словарному фонду, но и синтаксически, почему и «провинциальные диалекты могут помочь общему языку» как отдельными самостоятельными выработанными словами, так и фразеологией².

Из этого вытекает, что общенародный язык является той мерой, которой определяется ценность диалекта: последний тем ценнее, чем ближе он по своим формам к общенародному языку, чем больше, следовательно, он в состоянии обогатить его.

Наряду с народностью Налбандян, таким образом, провозглашает также полную самостоятельность общенародного языка. В своих рассуждениях и взглядах Налбандян правдиво отразил процесс развития, кристаллизации новоармянского языка, перемалывания, «концентрации диалектов в единый национальный язык» (К. Маркс). «Взаимное отрицание некоторых провинциальных окончаний или частиц, — говорит Налбандян, — и, наоборот, взаимное принятие таковых в пользу общего, может только привести к желанному результату»³.

Критикуя грабар и находя его бессильным обслуживать возрождающийся армянский народ, Налбандян, однако, вслед за диалектами и его считает — ничуть не противореча себе — одним из необходимых источников дальнейшего развития ашхарабара. И если при разрешении вопроса об использовании диалектов исходной точкой послужил факт совпадения синтаксисов диалектов и общенародного языка, то в разрешении во-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 333.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 167.

² См. М. Налбандян, Полное собр. соч., т. IV, стр. 198.

³ Там же.

проса об использовании грабара исходной точкой служит как раз обратное — несовпадение синтаксисов ашхарабара и грабара: «Главная и основная разница между новым и древним языками, — говорит Налбандян, — по существу заключается в структуре фразы, в синтаксисе и формах»¹.

Следовательно, возможность использования грабара сравнительно с диалектами намного уже: «мы против употребления целых фраз по древней форме»², — говорит Налбандян; приобщение грабара к ашхарабару оказывается возможным лишь по линии лексики, словарного фонда.

Насколько известно, Налбандян нигде не говорит о том, как надо использовать русский язык при разработке и обогащении новоармянского языка. Но в сочинениях Налбандяна так много фактов подобного использования, что они дают полную возможность сделать ряд выводов о его принципах в этом вопросе.

Общественная жизнь и литература армянского народа развивалась под непосредственным влиянием русской передовой общественной мысли и литературы, почему и русский язык, носитель этой передовой мысли, неизбежно стал тем арсеналом, из которого армянский язык, для удовлетворения все возрастающих потребностей жизни, черпал горстями все новые и новые слова, термины и выражения.

В произведениях Налбандяна это обстоятельство запечатлелось особенно ярко.

Налбандян широко применял распространенную в 50—60 гг. привычку — наряду с только что переведенным на армянский язык словом ставить в скобках его русское соответствие. В произведениях Налбандяна потоком проходят эти, вставленные в армянский текст русские слова, имеющие преимущественно научно-публицистическое значение: *տեսություն* (теория), *արդյունք* (результат), *միավորական կշիռ* (удельный вес), *անհիմնական* (объективно) и т. д.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 211.

² Там же, стр. 212.

Но, конечно, не всегда имелась возможность найти для каждого данного понятия соответствующее слово в армянском языке — в новом, в древнем или в диалектах. В таких случаях Налбандян прибегал к заимствованиям из русского языка.

Политика (*պոլիտիկա*), энциклопедический (*էնցիկլոպեդիկական*), метафизический (*մետաֆիզիկական*), классический (*կלאսիկական*), революция (*րեւոլյուցիա*) и т. д. — вот примеры заимствованных из русского языка слов, встречающихся на каждом шагу в разных, написанных в разное время статьях Налбандяна.

Но вопрос, конечно, не в отдельных словах, удачно или неудачно употребляемых Налбандяном, а в том, что приняв в основу обогащения армянского языка метод как перевода, так и заимствования, Налбандян широко и смело применял и то, и другое, глубоко убежденный, что армянский язык столь эластичен, чтобы в случае необходимости с легкостью освоить русское слово, и настолько лексически богат, чтобы при необходимости, под воздействием русского же языка, призвать к новой жизни древние или диалектные слова.

Однако, широко поставив вопрос о заимствовании и переводе, Налбандян в высшей степени ревностно относился к соблюдению норм армянского языка и протестовал против нарушения его законов. Так, например, он высмеивал попытку образовать из слова критика слово критиковать (*կրիտիկել*), ибо производство глагольных форм от перенятых из других языков имен существительных не всегда согласуется с нормами армянского языка, или решительно протестовал против дословного (следовательно, попирающего законы языка) перевода выражения я разделяю ваше мнение и т. д.

Конечно, не во всех подобных случаях Налбандян был прав. Однако он был прав в постановке вопроса, в утверждении, что язык может выполнить свое назначение лишь в том случае, если с ним будут обращаться согласно присущим его существу законам.

Обогащение Налбандяном армянского языка через посред-

ство русского находится, конечно, в тесной связи с его революционно-демократическим мировоззрением. Слова, бытовавшие в лексиконе передовой русской интеллигенции 50—60 гг., десятками переводились Налбандяном на армянский язык. В настоящее время некоторые из них, может быть, и забыты, а некоторые по смыслу разнятся от современного словоупотребления. Примером последнего может служить слово **народность**, которое Налбандян передает словом *նորմալություն*, и так как слово *նորմալություն* в настоящее время означает лишь **национальность**, поэтому долгое время некоторые разделы «Заметок», «Земледелия как верный путь» и других произведений Налбандяна, в которых фигурирует это понятие, не вполне были ясны современному читателю. Выяснению приданного Налбандяном слову *նորմալություն* смыслового значения помогло сличение текстов Налбандяна с текстами Белинского, как об этом подробно говорится в настоящей работе (глава V, § 6). Известно, с другой стороны, какую важную роль играло понятие *նորմալություն* в смысле **народности** в мировоззрении Налбандяна (в эстетике, в трактовке национального вопроса и т. д.). Из этого вытекает важность изучения языка Налбандяна в этом разрезе: результатами могут быть как углубленное понимание воззрений Налбандяна, так и обогащение современного армянского языка новыми словами и терминами.

Выступив с самого начала своей литературной деятельности страстным поборником ашхарабара, Налбандян весьма критически относился к его проявлениям у разных писателей. Так, например, разбирая в «Слове...» новоармянский язык мхитаристов, он называет его «искаженным», «варварским языком». В «Слове...» же язык М. Мсеряна (в будущем его противника и редактора реакционного журнала «Чраках» — «Изборник») он называет «смесью», а спустя долгие годы, в «Письме Графу Эммануэлу» — «винегретом». Налбандян ратует за «характеристичность» (так он называет язык Саят-Новы) ашхарабара, т. е. за сохранение его лица, индивидуальности, самобытности, народности, верности сложившимся в течение веков закономерностям. С этой именно точки зрения он протестует

против чрезмерного подчинения нормам чужих языков, в частности французского и турецкого языков у западных армян. Налбандян предостерегает также от чрезмерного увлечения диалектами и, в особенности, грабаром. От увлечения последним он предостерегает Назаряна, Алишана, строго и обстоятельно критикует за это также П. Прошяна — за язык его предисловия к роману «Сос и Вардитер», оговаривая, что эта его критика относится ко многим современным авторам. «Пожалейте народ!» — восклицает Налбандян, — откажитесь от изысканных оборотов грабара и «с этого высокого пьедестала спуститесь к простому народу». Налбандян весьма критически относился к своему собственному языку. В письмах из Петропавловской крепости он упрекал себя в том, что в течение пяти лет (повидимому 1858—1862 гг.) он, как и «Юсисапайл», находились под сильнейшим влиянием «духа и логики древнего языка». Увлечение грабаром носило всеобщий характер, Налбандян считал его крайне опасным и всячески старался освободить новый литературный язык от чрезмерного влияния грабара и ввести его развитие в фарватер общенародного языка. Известно, что в дальнейшем литературный язык вообще и в частности язык самого Налбандяна (в особенности язык его произведений, написанных в Петропавловской крепости) именно в этом направлении и развивался.

Армянский народ, разделенный в XIX в. между Россией и Турцией, развивался при разных экономических и социально-политических условиях, результатом чего и было отсутствие единства в процессе образования нации, а также языка.

Налбандян верил в возможность **некоторого** сближения «двух важнейших ветвей нового языка», т. е. литературного языка восточных (русских) армян и литературного языка западных (турецких) армян, но явно скептически относился к возможности полного **слияния** их, считая, с другой стороны, **единство языка непременным** условием развития нации: «без единства языка прогресс — пустая мечта нации» — говорит он.

Этого противоречия Налбандян не разрешил, но он ука-

зал на возможность иного решения вопроса единства языка, которое исторически и оправдалось.

В одном из фрагментов своего «Опыта радикальной реформы нашего языка» Налбандян выдвигает положение о неизбежном влиянии, при территориально-политическом разобщении нации, языка более передовой ее части на отстающую¹.

Налбандян никогда специально не высказывался о том, которая из двух частей армянского народа является более передовой. Однако из некоторых страниц «Опыта...», критики романа «Сос и Вардигер» и «Земледелия...» можно сделать вывод, что по Налбандяну именно восточные армяне первыми отвоевали право народа на ашхарабар, что они являются основоположниками новой национальной литературы (Х. Абовян) и что они в первую очередь причастны к той великой борьбе, которая должна принести освобождение России, российским народам и всему человечеству — а все это в союзности дает право утверждать, что именно восточных армян Налбандян считал более передовой частью армянского народа в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях, которая и, следовательно, по его собственной предпосылке, должна была оказать свое неизбежное влияние на другую его часть, западных армян — в частности и в области языка.

История на самом деле оправдала предположение Налбандяна. Победа литературного языка восточных армян подготавливалась, конечно, в течение долгого времени, параллельно их политическому и культурному росту в тесном единении с политическим и культурным ростом великого русского народа. Октябрьская революция завершила эту победу, превратив основанный на общенародном языке литературный язык восточных армян в государственный язык, в язык армянской социалистической нации.

Суждения Налбандяна об ашхарабаре (и грабаре) теснейшим образом связаны и вытекают из его материалистиче-

¹ М. Налбандян, собр. соч., т. III, стр. 339.

ских воззрений на язык, выработавшихся у него с течением времени. Этому вопросу посвящена последняя, седьмая глава нашей работы.

В «Опыте радикальной реформы нашего языка» Налбандян говорит: «Сам по себе язык — это такой сосуд, при помощи которого человек передает свою мысль себе подобному, это тот мост, по которому может свободно совершаться обмен мыслями»¹.

Совершенно очевидно, что имея именно такое правильное воззрение на основную общественную функцию языка, Налбандян мог столь последовательно защищать ашхарабар.

В следующей своей работе, в критике романа «Сос и Вардигер» Налбандян выражается еще короче: «смысл языка не в форме, а в существе»² — говорит он. Принципом разработки нового языка — пишет Налбандян там же курсивом — является то, чтобы «говорить понятно для возможно большего количества людей и возможно более широких масс»³.

Традиции материалистических суждений Налбандяна о языке через посредство великих русских мыслителей 40—60 гг. восходят к самому Ломоносову, который в § 40 своей «Российской грамматики» говорит: «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому»⁴.

В трудах классиков марксизма материалистическое положение о функции языка нашло свою законченную и исчерпывающую формулировку. У Ленина сказано: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения»⁵.

Налбандян язык рассматривает как собственность всего народа. В «Опыте...» он утверждает, что творцом языка был сам народ, что язык меняется лишь через посредство этого на-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 335.

² Там же, стр. 166.

³ Там же, стр. 167.

⁴ М. Ломоносов, Российская грамматика, Санктпетербург, 1755, стр. 23.

⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 368.

рода и что при этом желание или каприз единичной личности или даже группы людей не играет и не может играть никакой роли¹. С такими же мыслями мы встречаемся и у Белинского: «Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица»².

Другой вопрос, касающийся сущности языка, вопрос о характере связи мышления и языка, занимал Налбандяна с самого начала его литературно-общественной деятельности.

Еще в «Слове...» он писал, что «мышление упорядочивает язык», что язык является средством, при помощи которого человек свои мысли делает ощутительными³. А в статье «Говорящего да услышат» (1858) Налбандян, уточняя свой взгляд, говорит, что слово — продукт нашей мысли⁴, или, как это образно сказано в критике «Хрестоматии по новой армянской речи» Ст. Назаряна — «язык — одеяние нашей мысли»⁵.

В «Основаниях русской грамматики» В. Г. Белинского, вышедшей в 1837 году, написано: «...Так как мысль, в своем проявлении, необходимо обуславливается формой, то и слово, как форма мысли, родилось вместе с нею... Язык развивается и совершенствуется вместе с мыслию»⁶.

Белинский говорит, что слово — форма мысли, а Налбандян говорит, что слово — одеяние мысли. Это одно и то же. О развитии же языка параллельно развитию мысли или — что одно и то же — об обогащении словами параллельно обогащению понятиями Белинский говорит как здесь, в Грамматике, так и в последующих своих работах⁷. Об этом говорит так-

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 322.

² В. Г. Белинский, Избранные философские произведения, ОГИЗ, 1941, стр. 379.

³ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 24, 16.

⁴ Там же, стр. 410.

⁵ Там же, стр. 147.

⁶ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. II, Москва, 1953, стр. 580.

⁷ В. Г. Белинский, Избранные философские произведения, ОГИЗ, 1941, стр. 378.

же Ломоносов в своей Грамматике: вместе с приращением понятий, утверждает великий ученый, умножаются и слова¹. У Налбандяна с этими мыслями мы встречаемся в предисловии к переводу «Агасфера» Эжена Сю и в критике «Хрестоматии по новой армянской речи»².

Вся совокупность рассуждений Налбандяна о зависимости языка от мышления и слов от понятий привели его к следующей краткой формуле, выраженной им в «Опыте...»: «Язык — выразитель мысли»³.

Если мы вспомним известные слова Маркса в «Немецкой идеологии», что «непосредственная действительность мысли, это — язык»⁴, то материалистическая мысль Налбандяна, приведшая его к правильным заключениям, предстанет перед нами во всей своей силе.

В тесной связи и параллельно с установлением основной функции языка, а также зависимости языка от мышления, слова от понятия, Налбандян дает решительный бой также реакционно-идеалистическим попыткам обосновать право древнего языка его «красотой» и «обработанностью».

Налбандян основывается на своем материалистическом учении о потребностях, из которого вытекает, что язык, обслуживая потребности человека, не может определяться красотой. Он исходит из учения Н. Г. Чернышевского, что прекрасное — это жизнь, утверждая, что мерилом красоты является природа, и что красота — историческая категория. С этих позиций Налбандян в корне подрывает попытку реакционеров увековечить древнеармянский язык, утвердить безоговорочное господство его над всеми эпохами, и одновременно наносит удар по их догматике, по их идеализации всей гнили современного им феодально-клерикального уклада жизни.

Третий и последний вопрос, касающийся сущности языка,

¹ М. Ломоносов, цитированное соч., стр. 28.

² М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 69, 149.

³ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 333.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1934, стр. 434.

который затронут Налбандяном,— это вопрос о природе законов развития языка.

Язык, по Налбандяну, закономерно-историческое явление, почему и новый язык также неодолим в своем развитии, как в свое время был неодолим древний язык, победа первого также неизбежна в наше время, как победа второго была неизбежна в древнее время. «Язык — продукт времени»,— говорит Налбандян,— «он подвержен законам природы».

Это положение Налбандяна о закономерности языка, как одной из сторон действительности и вытекающие из него следствия наиболее ярко выражены в следующих его словах: «Можно ли остановить бегущий с горы поток,— говорит Налбандян, имея в виду неизбежную победу новоармянского языка,— если вздумаешь воздвигнуть перед ним стену и таким образом спасти свой дом,— не разумнее ли вырыть канавы и, направив ливень в них, избавиться таким образом от его губительной и разрушающей силы?»¹.

Кроме неизбежности победы новоармянского языка, кроме установления неотвратимости законов развития языка, их объективности, эти слова Налбандяна говорят еще о том, что можно властвовать над этой необходимостью, если познать ее законы, если на основании этого познания дать ей направление и тем самым ограничить ее мощь.

Вся борьба Налбандяна за ашхарабар, вся его работа над усовершенствованием ашхарабара является выражением убежденности в истинности этих положений.

Итак, законы природы, а тем самым и законы развития языка, объективны, независимы от нашей воли и сознания, следовательно — заключает Налбандян — мы не ответственны и не можем быть ответственными за них. Наша ответственность начинается лишь с момента познания, осознания этих законов и их действий и целеустремленного вмешательства в них.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. III, стр. 332.

Борьба Налбандяна за ашхарабар и установление законов его развития, раскрытие им в связи с этой борьбой сущности грабара и общих закономерностей языка — все это было проявлением одной из важнейших сторон эпохи, эпохи образования армянской нации в середине прошлого столетия: «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма — говорит И. В. Сталин — является в то же время процессом складывания людей в нации»¹.

Обо всем этом, а также о великой роли Х. Абовяна в борьбе за победу ашхарабара и о защите и пропаганде ашхарабара С. Назаряном говорится во Введении нашей работы.

Вопросы языка и их разрешение Налбандяном рассматриваются в работе, как видно и из вышеизложенного,— в тесной связи с русской материалистической мыслью, с воззрениями Ломоносова, Белинского, Чернышевского. Однако влияние русской передовой мысли на Налбандяна заметно не только в произведениях позднего периода его публицистической деятельности. Оно заметно, можно сказать, с самого начала его литературной деятельности, с раннего его произведения «Слово об армянской письменности» (1854—1855), всестороннему разбору которого и посвящена первая глава нашей работы.

Защиту ашхарабара («Слово...» написано именно с этой целью) Налбандян ведет опираясь на факты, взятые из русской действительности, и на Белинского.

Скептикам, которые не верят в ашхарабар из-за его неопределенности, Налбандян указывает на историю «обновления русского языка и освобождения его от славянских пут» и просит сравнить «литературу русского народа двадцать лет тому назад с современной его литературой...»².

В статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846) Белинский констатирует отсталость русского общества его времени, чтобы в дальнейшем указать на роль литературы в преодолении этой отсталости³.

¹ И. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 303.

² М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 52.

³ В. Г. Белинский, Избранные философские соч., стр. 323.

В «Слове...» Налбандян почти теми же словами и образами (но не называя имени Белинского, ибо в это время упоминание его было запрещено царской цензурой) констатирует отсталость армянского общества его времени, чтобы в дальнейшем указать на необходимость ашхарабара для преодоления этой отсталости¹.

Полемизируя с ретроградами, яркими защитниками грабара, которые для доказательства своих тезисов ссылались на Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Налбандян говорит, что «источником того душевного удовольствия, которое доставляет читателю русская литература, является не только богатство и пышность языка, но и красивая поэтическая мысль»², т. е. исходит из материалистической эстетики Белинского, из его учения о содержании и форме.

Совершенно очевидно, что в период работы над «Словом...», — а вероятно и до этого, — Налбандян увлекался Белинским. Это увлечение Белинским не могло не оказать глубокого воздействия на суждения Налбандяна при оценке им в «Слове...» различных фактов из области армянской истории и действительности.

И в самом деле: метафизическому представлению армянских феодально-клерикальных и буржуазных историографов о литературе V века, как о надисторической, господствующей над всеми эпохами вечной категории, Налбандян в «Слове...» наносит сокрушительный удар, доказывая, что она — историческая категория, что, включая в себе народные элементы, она носит церковно-клерикальный характер.

Налбандян резко критикует также идеализацию армяно-католической конгрегации мхитаристов, доказывая, что эта конгрегация, наряду с заслугами в области армянской филологии, по существу является агентурой папской власти, следовательно — ненациональна, антинародна.

¹ М. Налбандян, Полное собр. соч., т. II, стр. 53.

² Там же, стр. 53.

Публицистическая деятельность Налбандяна в конце 50-х гг. протекала в тесном содружестве с либеральным просветителем С. Назаряном в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), почему и в настоящей работе отводится определенное место характеристике как общественных взглядов Назаряна, так и взглядов его на язык, в особенности — в точках их совпадения и расхождения со взглядами Налбандяна.

В 40—60 гг. на страницах редактируемого им журнала «Юсисапайл», а до «Юсисапайла» в своих книгах, Назарян выступал рьяным поборником ашхарабара и сыграл огромную роль в деле его пропаганды и защиты. Назарян развивал ту правильную точку зрения, что победа ашхарабара исторически неизбежна, что не может быть возврата к грабару (эту иллюзию питали не только консерваторы, но даже некоторые либералы) и что литературный язык следует построить на основе общенародного языка.

Однако, будучи либералом, Назарян не во всех вопросах оказался последовательным. Назарян чем дальше, тем все больше места отводил грабару в строительстве ашхарабара, он придерживался теории, согласно которой ашхарабар был искаженным, расстроенным грабаром, приветствовал влияние греческого языка на армянский язык в ущерб национальному характеру последнего, боролся против якобы турецких форм ашхарабара, — чем отступил от принципов народности и самостоятельности ашхарабара, коих твердо придерживался Налбандян.

Налбандян сравнительно мало изучен с филологической точки зрения, почему и в настоящей работе некоторые его труды, касающиеся вопросов языка, рассматриваются в этом разрезе.

В первой главе уточняется время написания «Слова...» — это первое произведение Налбандяна было начато и закончено в промежуток от сентября — октября 1814 года до марта, самое позднее — апреля 1855 года.

В 4-ом параграфе второй главы доказывается, что статья Налбандяна «Говорящего да услышат» была написана не в

Петропавловской крепости и не в 1863—1864 гг., как это было принято считать до сих пор, а в 1857—1858 гг.

В 5-ом параграфе той же главы доказывается, что Налбандян скрыл свои подлинные воззрения на язык в своей диссертации «Об изучении армянского языка в Европе и научном значении армянской литературы», считая ее сугубо официальным документом, имеющим для него лишь практическое значение, и опасаясь новых преследований.

Шестая глава полностью посвящена разбору незаконченного труда Налбандяна «Опыт радикальной реформы нашего языка» с точки зрения его содержания, определения времени его написания и т. д. По предположению Налбандяна «Опыт...» должен был состоять примерно из 35 п. л., в крепости им было написано около 15 п. л., до нас дошло всего лишь четыре фрагмента этого труда объемом в $1\frac{3}{4}$ п. л. Отрывок, приведенный в третьем томе Полного собрания сочинений М. Налбандяна в качестве пятого фрагмента, не относится, — как это доказывается в настоящей работе, — к «Опыту...», а является частью какой-то другой работы Налбандяна.

Наконец, уточняется также время написания статьи «Несколько слов о том, каково наше мнение о функциях журнала», а именно: середина 1864 года.